

— Литература и жизнь, писатель и время. Об их взаимосвязи написано немало теоретических трудов, но, видимо, каждый писатель сам определяет применительно к своему творчеству соотношение этих понятий. Как вы решаете этот вопрос?

— Действительно, в теоретическом отношении проблема решена давно. Еще самим народом применительно к своему многовековому творчеству сказано: «Как живет, так и поет». Только идеалист из самых примитивных в наше время может еще думать, будто художественное творчество есть нечто «ниспосланное свыше». Оно рождается из жизни и от потребностей жизни, берет в ней свое содержание и форму, которые так же историчны, как все другие виды деятельности, и возвращается в жизнь, чтобы взаимодействовать с ней и воздействовать на нее. Уверен, что это триединство является и основой всякой серьезной критики — чем рождено, в какую форму воплотилось, как воздействует на жизнь. Вне этого критика либо беспомощна и неубедительна, либо спекулятивна и руководствуется не интересами искусства, а модой или другими к делу не идущими побуждениями.

Да, талант, способность к художественному восприятию, мышлению и изображе-

проблему связи жизни, литературы и времени, просто не вижу. Можно только добавить, что времена нынче бурные и опасные, что социалистическая наша страна все больше набирает благосостояние и могущество, роль ее в мире возрастает, люди становятся образованнее, духовно богаче и сложнее, и все это вместе ставит перед литературой задачи весьма и весьма нелегкие. Любопытнейшим образом может порассказать о том, как трудно, ее глубинным существе перенести на полотно «натуру», которая непрерывно обогащается в содержании и находится в движении.

Трудно, но возможно. Пример возьму не из литературы, что далеко увело бы меня по необходимости мотивировок, а из искусства, где все нагляднее. М. Жаров, И. Ильинский, Б. Чирков, Д. Кабалевский, Н. Томский, Н. Крычков, С. Бондарчук, М. Ульянов, Г. Уланова — а список имен можно продолжать долго — какая блистательная плеяда художников, чья слава давно перешагнула рубежи нашей страны и стала международной! Крутой им выпал путь, в коренных ломках бытия, в невероятном чередовании событий, в испытаниях войной, но шли, набирая новые высоты в творчестве и почтительное уваже-

На все не хватит времени? Да вранье это, мифы, создаваемые ленью. Чем больше накаливаете знаний и опыта, тем быстрее справляетесь с делом и свободнее маневрируете временем.

Таим образом многожанровость — стихи, проза, статьи по вопросам литературы, переводы, очерки, публицистические статьи, памфлеты, фельетоны, детские книги (а у меня их вышло пять) — рождалась не в связи с какими-то отдельными событиями, а в процессе всего жизнебытия моего — от сельской юности до наших дней.

Полно нужен плуг, бою — штык, мои современники управлялись с тем и другим, почему же не следовало этому примеру и литераторам?

Но многожанровость сама по себе еще не решает всех проблем, для внутренней цельности ей нужны ясность позиции, постоянный мощный ориентир убежденности в правоте дела, которому себя посвятил. Еще Гёте сказал в свое время, что тот, кто боится идеи, теряет под конец и понятие.

Не мне решать, как это у меня получалось, но что касается ориентира, то тут все ясно — я коммунист.

— Ваши персонажи — парт-ор-г Зернов, и майор Доломанов, и комбат Косоватов, и солдат Самородов — узнаваемы, читателям кажется, что они встреча-

учать, что результатом победы стал крутой поворот мировой истории — крушение колониализма, возникновение системы социалистических стран, продление революционных преобразований на все континенты.

И многих, очень многих вдохновляет в борьбе героизм советского народа, явленный в годы войны, и подкрепляет помощь, идущая от Советского Союза. Так проявляется нерасторжимая связь времен, связь идей и людей.

Вот почему многие советские писатели — я лишь один из них — снова и снова пишут о войне, о человеке на войне. В этом ряду стоят и такие новые крупные произведения, как «Победа» А. Чарковского, «Выбор» Ю. Бондарева, «Война» И. Стаднюка. Кстати, именно в «Выборе» Ю. Бондарева еще острее, чем в романе «Берег», ощущается эта нерасторжимая связь вчерашнего и сегодняшнего.

Когда я писал повесть «Белый ангел в поле», я сознательно уходил от изображения самых высоких проявлений героизма, хотя они у нас, конечно, были. Мне хотелось показать обыкновенных людей в обыкновенных буднях войны, хотя сам фронт был исключительный — Сталинградский 1942 года. Героический подвиг — это высшее

водства культурой, — ведь утверждает же кто-то программы выступлений, программы клубной деятельности?

У нас прекрасная молодежь, образованная, способная к подвигам и совершающая их в Тюмени, на БАМЕ, на тысячах других строев, и она заслуживает того, чтобы и песня для нее, и одежда, и формы досуга были образцами социалистической культуры, воплощением подлинного искусства, а не дешевой механического подражательства.

Смена событий и времен не означает смены принципов.

— Вы не раз говорили в своих статьях и выступлениях о значении серьезной, принципиальной критики для творческого процесса, не раз отмечали недостаточное внимание литературоведов и фундаментальным проблемам. В чем сегодня видится сила и слабость литературной критики?

— Состояние критики нашей вызывает неудовлетворенность даже... у самих критиков. Мне доводилось слышать суждение: «У нас немало рецензий на литературные произведения, по преимуществу хвалебных, но нет взгляда на литературу». Охотников оспаривать это утверждение мало. В самом деле, прочитаешь десятки статей в разных изданиях, и невольно складывается впечатление — писатели у нас разные, но различаются в частности, а в общем все хорошие. Ровная степь до горизонта. Но история свидетельствует, что ни в одной литературе ни в какие времена этой «углаженности», некоей усредненности не существовало, а всегда были главное течение, ответвления, а на периферии и глухие заводи с признаками заболочивания. Это всеобщий закон развития — неужели он у нас самоотменился?

Самоуясниться бы, даже подискутировать. Но и дискуссии у критиков порой странные — например, правомерен или неправомерен термин «деревенщина» к пишущим на сельские темы? Как будто суть в наименовании! Но даже такую дискуссию можно было бы принять всерьез, если бы речь шла о серьезных проблемах села и их отображении в литературе. В село пришла индустрия, село перестраивается в ориентации на эталоны городского комфорта, по мере сил на селе все больше интеллигенции — агрономов, врачей, педагогов, инженеров, даже учителей музыки и танцев. Под воздействием журналов, газет, радио, телевидения меняется манера мышления и сельская речь. И все это порождает не радости одни, но и противоречия, борьбу, драмы. Вот и рассмотреть бы все это критике, а потом уж судить, как отражается в литературе. Вспомню еще раз В. Белинского, который говорил, что критика есть сравнение произведения с породившей его действительностью и идеалом искусства.

Но такого разговора нет, мелькают обрывки имен — у каждого оппонента свои, — рождаются дикие формулы вроде того, что в литературе главное «не материал, но мастер». У одного возникло мимолетное и вроде кстати, другой, обрадовавшись, как дитя цацке, уже возводит это в эстетическую категорию, забывая, что всего лишь переодевает в новый костюм ветхую заповедь формализма.

Плохо помогают критике и «чистые теоретики» литературы. В своих суждениях они нередко пользуются терминами, значения которых туманны и расплывчаты, хотя девиз нашего века — точность. И, конечно же, такое положение вещей — плохое подспорье для оперативной критики, обедняет арсенал научно обоснованных доказательств, открывая простор вкусовщине.

Тяжело, — и тут я сочувствую критикам — отражается на их работе обидчивость писателей, особенно молодых. Покритикуй такого, и он становится врагом на всю жизнь. Идет это от невоспитанности — как скажете иначе? — пустой амбициозности, совершенно непримлемой в условиях нашего социалистического бытия, где критика и самокритика признаны движущей силой.

И все же многое зависит от самих критиков. У нас в этой трудной, прямо скажем, сфере работает много талантливых людей. Им надо оказывать помощь — несомненно, надо повысить общественную престижность их деятельности — это также влечение времени. Но и самим критикам надо решительнее выбираться из туманных дискуссионных, противопоставить пустым амбициям твердость характера и убежденности, вместо игры в терминологические подделки углублять исследование жизненных и художественных проблем, совершенствовать язык и стиль, уходя от наукообразного поучительства, которым грешат порой их статьи. И еще побольше внимания бесценному наследству, там уже много найдено верных решений.

Близится XXVI съезд партии. Не сомневаюсь, он даст нашей литературе новое огромное содержание и новые духовные импульсы. И к своему Веселому съезду писателей, который состоится позже, мы придем достаточно вооруженными, чтобы решать вопросы развития современной литературы.

Николай ГРИБАЧЕВ:

ОРИЕНТИР УБЕЖДЕННОСТИ

Творчество Героя Социалистического Труда, известного советского писателя и общественного деятеля Николая Грибачева отмечено высоким мастерством и гражданским темпераментом. Н. Грибачев избран делегатом XXVI съезда КПСС. Сегодня он — гость нашей редакции и отвечает на вопросы корреспондента газеты Н. Лошаревой о своем труде, назначении поэзии, о связи литературы с жизнью.

нию является врожденным свойством. Но еще Белинский писал когда-то, что даже небольшой талант, питаемый народной жизнью, крепнет и совершенствуется, и даже сильный талант, если ищет он содержание для своего творчества лишь в самом себе, становится подобен бедной песчаной почве, которая и в лучшие годы обильного урожая не дает.

Как решал я этот вопрос применительно к себе? Подобно всем, изучал, размышлял под влиянием разных извитий мысли, в том числе декадентской, — а тут были мастера делать из мухи слона и наоборот! — бродил по топким непролазным болотам. Но так как жизнь с детства была полна работы и заботы — пахал, косил, учился в школе крестьянской молодежи, был гидротехником, воевал, работал в газетах, — то она и становилась тем пробным камнем, с помощью которого каждый отбирает для себя ценности бытия, устанавливает их приоритеты.

Я чту художественное слово даже в «камерной лирике» — в конечном счете умные вырезать на одном рисовом зерне сто иероглифов тоже достойное удивления искусство. Но жизни в четырех стенах, в отъединении от огромных просторов с жарой и холодом, равнинами и горами, солнцем и облаками, дорогами и людьми, радостными и драматическими событиями просто не могу представить. Раз уж я пришел в эту жизнь, то мне все в ней интересно и все меня касается, и несказанно томит песня птицы в весеннем лесу, и жжет ненависть к убийце Пиночету, и хочется сделать как можно больше, чтобы лучше становилась жизнь людей и сами люди.

Вероятно, все это можно определить одним термином — естественное жизненное. Но во имя чего оно? Если просто крутятся среди фактов и событий, то не станешь ли напоминать щепку в разливе — гоняет ее ветер, крутят струи, швыряет волна до поры, пока не засосет ил? У жизни должны быть смысл, цель. Я в молодости влюбавок к литературе увлекался философией, читал все подряд от Анаксайдора до Ницше и Гегеля, от Декарта до Канта и, наконец, до классиков марксизма-ленинизма.

Никто меня не агитировал, никому экзаменов мне сдавать было не надо, если опять-таки не считать самой жизни. Последней гранью в уяснении смысла и цели был для меня август 1942 года на Сталинградском фронте — в окопе на переднем крае я написал заявление с просьбой принять меня в партию. К этому меня привели раздумья о стране и мире, жизнь моего крестьянского рода и отчего края, легендарные свершения революции и ад войны, история философии и литературы. Мне шел тогда тридцать второй год — возраст, на мой взгляд, едва ли не крайний, когда необходимо твердо и до конца определиться, с кем ты идешь и куда.

Кажется, я «забрался далеко», но другого ответа на вопрос, как применительно к себе я истолковываю

ние в новых поколениях. И думается мне, что это и есть наглядный пример решения «загадки сфинкса» — единства в формуле художник — жизнь — время.

— Какие наиболее крупные явления современной жизни, истории и литературы формировали вас как поэта и публициста? Жанровое многообразие — отражение времени или характера?

— Думается, это две грани одной сущности.

Понимая под современностью годы, прожитые мной, я могу сказать: нас все касалось и в нас все отозвалось. Начало — революция и Ленин, без них я на всю жизнь остался бы с нищим образованием трехклассной церковно-приходской школы. Ведь до этого из нашего большого села Лопушка не вышло ни одного человека даже в мелкие чиновники — все мужики да мужики. Затем коллективизация, пятилетки. Это было время великих надежд, жажды знаний, даже не просто энтузиазма, а пафоса созидания! Велик и могуществом в современном мире Советский Союз, даже недруги именуют его сверхдержавой. И в самом деле, читаешь Основные направления, совершенно деловой документ, но открывается в нем почти фантастическая мощь — экономическая, промышленная, научно-техническая, духовная. Уже созданная, существующая. А ведь фундамент и первые этажи грандиозного этого здания заложены там, в прошлом. Сколько было обдумано, найдено, открыто, свершено, воплощено!

Запросто, без мучительных трудностей, без ошибок, без драм? Нет, так не бывает, не может быть. За великие победы, первооткрытия, новые пути человечеству и человеку всегда приходилось платить высокую цену. Дешево дается только дешево.

Это хорошо понимаю мои сверстники, люди поколения, принимавшие эстафету революции. И работали весело, дерзостно, яростно. Считали, что их касается все, жадно брались за освоение нового. И так как я увлекался литературой, то, будучи еще сельским жителем, пахарем и сеятелем, писал в газету «Наша деревня», издававшуюся в Брянске, стихи — для души, статьи — в интересах дела. Продолжал в том же духе, когда учился в школе крестьянской молодежи, в гидротехникуме. После окончания его пошел в Карелию, работал прорабом на осушении болот, но одновременно посылал стихи в петрозаводский литературный альманах и заметки в газету «Красная Карелия». Туда меня с должности прораба и взяли очеркистом, хотя никакой специальной журналистской подготовки у меня, конечно, не было. В газете, исполняя обязанности по должности, я стал, помимо увлечения поэзией, пробовать писать рассказы, а затем решил, что надо осваивать все жанры — от передовой статьи до фельетона в стихах и прозе. Почему? Требовали от меня этого? Нет, не требовали. Так ведь интересно! И такой — искать, пробовать! — была атмосфера в редакции вообще, не случайно пришли в литературу работавшие вместе со мной мои товарищи и сверстники — Сергей Норин, Иван Кутасов, погибшие позже на войне, Александр Иванов, Федор Трофимов.

ли их в жизни. Но, может быть, это ощущение обманчиво, и за героями нет реальных прототипов?

— В повестях и рассказах, как правило, персонажи вымышленные — это закон литературы. Но что значит «вымышленные»? Порой художник создает так называемый собирательный тип, воплощая в одном лице характерные черты нескольких. Бывает и так, что, если он красочен и резко характерен, пишет одного и реально существовавшего человека, но под другой фамилией. Почему под другой? Потому что истолковывая автором даже действительных мыслей и поступков, особенно с отрицательным знаком, может вызвать протест.

Я, конечно, также подчиняюсь литературной этике. Но в жизни, особенно на войне, я видел столько ярких, интересных людей, столько удивительных событий, что в подавляющем большинстве случаев и доосмысливать ничего не приходилось. Например, майор Доломанов — теперь его уже нет среди нас, и я могу раскрыть «секрет» — это инженер 59-й гвардейской дивизии Василий Петрович Домикеев, у которого я был в подчинении.

Как ни удивительно — до того, что кажется вообще невероятной, — история солдата Самородова, вытаскившего свой трактор из жестокой неразберихи отступления и переправившего его через Дон на левый берег, когда правый был занят противником, но и это чистая правда. Настоящая фамилия тракториста — Кулаков, он жил после войны в Сухуми, номер трактора НАТИ-Д-1-19 настоящий. Сложнее с комбатом Косоватовым: в его литературной судьбе как бы сошлись две реальности. Так же — в партроче Зернове.

Все, о чем повествуется в книге «Белый ангел в поле», — правда. Есть в ней даже подлинные фамилии персонажей — комдив Запороженко, комиссар батальона Михаил Шульжик, один из организаторов переправы Иван Казаков. Кстати, с Михаилом Шульжиком мы встречаемся поныне — тем более, что оба любители зимней рыбалки.

Поэтому меня и не удивляет, что читателям кажется, будто они встречались с персонажами моих книг в жизни. Добавлю только, что относится это отнюдь не исключительно к моим книгам — сила и убедительность советской литературы как раз в том и состоит, что именно от богатства и разнообразия жизни рождаются богатство и разнообразие ее содержания и психологическая достоверность ее героев!

— В вашем творчестве вы постоянно обращаетесь к теме Великой Отечественной войны. Например, поэма «Иди, сержант!», повесть «Белый ангел в поле», рассказы, стихи. В каком плане волнует эта тема — только героическом или в связи с проблемами современными? Какими?

— Историко-героическая сторона, несомненно, важна для литературы сама по себе. Кто не знает своего прошлого, тот не может понять настоящего и разумно строить будущее. Но, думается мне, война заключает в себе великое множество уроков, практическая действительность которых простирается не только в наше сегодня, но и в наше завтра. Особенно, если

проявление духа человеческого в исключительных обстоятельствах, как говорят — и правильно говорят, — пример и ориентир, но один герой войны не выигрывает. У нас на фронте были миллионы, и результат зависел не только от того, как были они вооружены и владели оружием, но и от того, что они думали, во что верили, как проявлялась их сущность в землянке, на марше, в отношении к товарищам, — как представляли они будущее свое.

А во всем этом самым решительным образом сказывалось то, каким образом они были воспитаны до войны. Воля, мужество, вера в Советскую власть и победу, высокая человечность пришли на передовую в сознание и сердце из довоенной жизни. Проблема же воспитания не снята и сегодня, тем более что в мире снова неспокойно.

Небольшую поэму «Иди, сержант!», а также «Сталь и моль» и стихотворение «Нет, мальчики!» я писал в особом состоянии — было горестно и обидно, когда одно время распоясавшиеся литературные юнцы, прилепив окурки на мокрую губу, с пренебрежением посматривали на ветеранов войны, уничтожительно говорили о боевых наградах. И, как пелухи на заборе, распускались хвосты, когда о них пошрительно говорили «там, за границей» разные «голоса». У многих это было следствием наивности и духовной незрелости, но кое у кого и расчетом с дальним прицелом. Теперь эти последние, среди которых и В. Аксенов, расплывшись со своими наивными поклонниками и поклонницами, отключили к своим подлинным хозяевам зарабатывать доллары клеветой на страну, которая их вырастила, обучила, вывела в люди.

У меня такие люди, набитые шелухой корыстолюбия и тщеславия при полном отсутствии совести и порядочности, вызывают не просто отвращение, но и ярость — я видел, как мои сверстники в их возрасте падали под пулями и снарядами, истекали кровью в донских степях, живо горели в танках. Во имя их жизни жертвовали своей. Об этом мне писали гневные письма, говорили на литературных встречах ветераны. Нет, когда отплевывают шейк на могиле отцов и плчуют в лицо подвигу, — молчать нельзя!

Вот куда порой уводят «связанные с войной» темы. Можно ли сказать, что сейчас все проблемы воспитания решены? Не думаю. Меня, например, спрашивают в письмах: у нас мировой славы театр, классическая музыка, балет, но почему, допустим, почти совсем ушла на эстраду песня, сменив национальные мелодии на заимствованные джазовые ритмы, буйство световых эффектов и подплывающие с микрофоном во рту? Почему так много в эстрадных песнях не то что пустотемья, но даже просто абракадабры?..

Наивные люди говорят — ничего, всего лишь модал! Но ведь речь идет о сфере искусства, а в искусстве мода — это подражание, вторичность, песня с чужого голоса, иногда обезьянничание. И, поскольку такие вопросы задаются в острой форме читателями, было бы желательно услышать ответ на них от тех людей, которые стоят у руко-